

Среди разногласий, которые не составляют предмет коллективного трудового спора и в соответствии с этим не являются основаниями для проведения забастовки, можно выделить: 1) нарушение нанимателем субъективных трудовых прав отдельных работников; 2) сокращение нанимателем численности (штата) работников.

Трудовое законодательство Республики Беларусь имеет значительный недостаток: право на забастовку может реализовываться лишь как способ разрешения коллективных трудовых споров. Статья 377 ТК определяет предмет коллективного трудового спора, который является исчерпывающим. Например, при массовом увольнении работников (как планирующемся, так и осуществляемом непосредственно) нанимателем, они (работники) не могут объявить забастовку в знак протеста, так как данный вид разногласий не входит в предмет коллективного трудового спора.

Изменение численности штата работников, несомненно, видится одним из важнейших средств управления издержками бизнеса. Причинами банкротства предприятий в условиях низкой производительности труда могут стать бессмысленные материальные затраты на заработную плату работников. В соответствии с этим, принятие решения по вопросам регулирования численности работников рассматривается в качестве прерогативы нанимателя. Необходимо вовлекать в процесс принятия решений не только трудовую коллекцию в целом, но и отдельных работников, чтобы рассматривать бизнес как систему социального партнерства. Всё вышесказанное полно относится к принятию решения о сокращении численности (штата) работников, по данному вопросу у работников могут возникать нерешённые конфликты. Однако, если же понимать забастовку лишь как способ разрешения коллективного трудового спора, то можно сделать такой вывод: не будет права на забастовку, если не будет коллективного трудового спора. Вопросы, касающиеся массового, грубого нарушения нанимателем прав работников, признаются лишь как индивидуальные трудовые споры между работником и нанимателем, и не входят в предмет коллективного трудового спора.

Действующее трудовое законодательство нуждается в изменении и дополнении. Необходимо закрепить правомерность отказа работников от выполнения своих трудовых обязанностей для решения индивидуального трудового спора. Полагаю, что данное положение необходимо, поскольку оно соответствует международным тенденциям правового регулирования трудовых отношений. Так, ст. 295 ТК Республики Азербайджан закрепляет, что работник вправе объявить забастовку в индивидуальном порядке на срок до одного месяца.

Заключение. Таким образом, право на забастовку должно стать не только средством разрешения коллективных трудовых споров, но и индивидуальных разногласий между работником и нанимателем, с целью установления баланса между ними. Необходимо повысить уровень социальной ответственности нанимателя при решении важнейших вопросов сферы управления бизнесом. Законодательство о забастовках должно совершенствоваться по следующим направлениям: 1) отмена формальных ограничений, которые касаются процедуры организации и проведения забастовки; 2) расширение ряда положений, составляющих предмет коллективного трудового спора, для урегулирования которых работники могут прибегать к забастовке.

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изм. и доп., принят. на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. - Минск, 2019.
2. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г., № 296-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : Одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. - Минск, 2019.
3. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Принят Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 16 декабря 1966 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. - Минск, 2019.

КОНФЛИКТ В КЕРЧЕНСКОМ ПРОЛИВЕ: ЮРИДИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ СТОРОН

Бураков М.С.,

студент 3 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь

Научный руководитель – Барышев В.А.

25 ноября 2018 года произошло столкновение России с Украиной на территории Керченского пролива. Как результат, российские силы перехватили корабли украинских ВМС. На данный момент, 24 украинских моряка и украинские корабли находятся на территории Российской Федерации. Украина же подала жалобу на Россию в ЕСПЧ в связи с задержанием моряков, также было введено военное положение на приграничных с РФ областях. Существуют различные обоснования совершенного инцидента, включая политические.

Целью исследовательской работы является рассмотрение правовых аспектов Керченского конфликта.

Материал и методы. При проведении исследования нами был использован ряд международных правовых актов, касающихся выбранной темы. В данной научной работе применялись методы дедукции, индукции, анализа, сравнительного правоведения и формально-юридический метод.

Результаты и их обсуждение. На сегодняшний день как у российской, так и у украинской стороны имеются сформированные официальные мнения по произошедшему. Россия обвиняет Украину в нарушении государственной границы РФ. Обусловлена данная точка зрения прежде всего в связи с тем, что Крым, по мнению российских властей, является территорией Российской Федерации. Согласно статье 3 раздела 2 Конвенции ООН по морскому праву «Каждое государство имеет право устанавливать ширину своего территориального моря до предела, не превышающего двенадцати морских миль, отмеряемых от исходных линий, определенных в соответствии с настоящей Конвенцией» [3]. Большинство стран устанавливает максимальную ширину своего территориального моря – 12 миль, и Россия не исключение. Поэтому на данный момент Российская Федерация рассматривает Керченский пролив как часть своих территориальных вод. В месте с тем, в статье 17 раздела 3 подраздела А рассматриваемого международного договора определено, что «При условии соблюдения настоящей Конвенции суда всех государств, как прибрежных, так и не имеющих выхода к морю, пользуются правом мирного прохода через территориальное море» [3]. Данным правом апеллирует украинская сторона. Но можно ли по факту считать проход украинских военных кораблей, да и вообще военных кораблей в мирное время «мирным» - вопрос открытый. В части 1 статьи 19 раздела 3 Конвенции определено понятие мирного пролива: «Проход является мирным, если только им не нарушается мир, добрый порядок или безопасность прибрежного государства. Такой проход должен совершаться в соответствии с настоящей конвенцией и другими нормами международного права» [3]. В части 2 настоящей статьи отражен лишь перечень деятельности судна в территориальном море, в результате которых «проход иностранного судна считается нарушающим мир». Из данного перечня под Керченский инцидент, на наш взгляд, можно определить лишь пункт b: «любые маневры или учения с оружием любого вида» [3]. РФ настаивает на том, что проход не был мирным, в результате чего украинская сторона нарушила статьи 19 и 21 раздела 3 настоящей Конвенции.

Ряд государств при подписании Конвенции ООН по морскому праву 1982 года делали оговорки о том, оставляют ли они за собой право ограничивать «мирный проход» военных кораблей в территориальное море, и (или) требовать обязательную нотификацию перед проходом. Проблема в том, что Российская Федерация и Украина не вносили таких оговорок. Отметим, что к Женевской конвенции о территориальном море и прилегающей зоне 1958 года [2] были внесены подобные оговорки:

«Russian Federation: Article 23 (Sub-Section D. Rule applicable to warships): The Government of the Union of Soviet Socialist Republics considers that the coastal State has the right to establish procedures for the authorization of the passage of foreign warships through its territorial waters.

Ukraine: Article 23 (Sub-Section D. Rule applicable to warships): The Government of the Ukrainian Soviet Socialist Republic considers that the coastal State has the right to establish procedures for the authorization of the passage of foreign warships through its territorial waters» [4].

То есть «прибрежное государство имеет право устанавливать процедуры разрешения прохода иностранных военных кораблей через свои территориальные воды». Что и использовала Россия. Однако с точки зрения международного права даже необходимость данного согласования является необоснованной. 24 декабря 2003 года между Украиной и Российской Федерацией был подписан Договор о сотрудничестве в использовании Азовского моря и Керченского пролива. Часть 1 статьи 2 данного договора гласит: «Торговые суда и военные корабли, а также другие государственные суда под флагом Российской Федерации или Украины, эксплуатируемые в некоммерческих целях, пользуются в Азовском море и Керченском проливе свободой судоходства» [1]. То есть, украинские военные корабли имели полное право совершить проход в Керченском проливе без разрешения России. Отметим, что договор все еще действует. Примем во внимание еще и тот факт, что по общему правилу, при конфликте норм специального права (коим является Договор о сотрудничестве в использовании Азовского моря и Керченского пролива) над общим (в данном случае это Конвенция ООН по морскому праву 1982 года и Конвенция о территориальном море и прилегающей зоне 1958 года) используются нормы специального права.

Российская Федерация использует норму статьи 3 Договора 2003 года: «Военные корабли и другие государственные суда третьих государств, эксплуатируемые в некоммерческих целях, могут заходить в Азовское море и проходить через Керченский пролив, если они направляются с визитом или деловым заходом в порт одной из Сторон по ее приглашению или разрешению, согласованному с другой Стороной» [1]. При этом украинская сторона, как известно, была согласна на это. Что в общем-то неудивительно – единственный возможный путь из порта Одессы в порт Мариуполя лежит через Керченский пролив.

Заключение. Как итог действий российской и украинской сторон, 26 ноября 2018 года состоялся экстренный созыв Совета Безопасности ООН. Отметим также, что РФ настаивала на рассмотрении Керченского инцидента в качестве «нарушения границы Российской Федерации», однако данное предложение не было одобрено. На наш взгляд, данный факт подкрепляет наш тезис о том, что российская сторона, с точки зрения международного права, все же находится в проигрышном положении.

1. Договор между Российской Федерацией и Украиной о сотрудничестве в использовании Азовского моря и Керченского пролива // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс] – 2019. – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-storage-viewer/bilateral/page-169/46287 – Дата доступа: 03.02.2019
2. Конвенция Организации Объединенных Наций о территориальном море и прилежащей зоне 1958 года // Официальный сайт ООН [Электронный ресурс] – 2019. – Режим доступа: www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/tsea.pdf – Дата доступа: 03.02.2019
3. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву 1982 года // Официальный сайт ООН [Электронный ресурс] – 2019. – Режим доступа: www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf – Дата доступа: 01.02.2019
4. Declarations and Reservations (Convention on the Territorial Sea and the Contiguous Zone) // Official website of United Nations Treaty Collection [Electronic resource] – 2019. – Mode of access: http://treaties.un.org/pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XXI-1&chapter=21&clang=_en – Date of access: 02.02.2019.

ОРГАНЫ ПРОКУРАТУРЫ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Волков В.В.,

студент 1 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь

Научный руководитель – Козак М.А.

Место органа в системе государственной власти зависит от множества факторов, и это не только содержание нормативного правового акта, в котором прописан правовой статус, но и взаимодействие с другими органами, выполнение задач, функций, которые осуществляет орган или система органов. Один и тот же орган может иметь различный статус в зависимости от государства, правового режима, формы правления, в котором он функционирует.

Целью данной статьи является анализ и выявление особенностей правового регулирования правового статуса прокуратуры как органа государственной власти в системе государственных органов.

Материал и методы. Научно-теоретической основой являются нормативные правовые акты в сфере закрепления правового статуса прокуратуры, труды ученых конституционалистов, рассматривающих правовое регулирование органов прокуратуры. При написании статьи был использован метод анализа теоретико-правовых взглядов. Метод анализа употребляется совместно с методом синтеза, который позволил объединить различные точки зрения и выявить особенности закрепления правового статуса прокуратуры.

Результаты и их обсуждение. Конституционно-правовой статус прокуратуры, ее место в системе государственных органов однозначно не определен в законодательных актах Республики Беларусь. Как отмечают в своем труде Е.И. Козлова, и О.Е. Кутафин «стержнем характеристики правового статуса государственно-органа являются: установленная в Конституции дефиниция, обобщенно определяющая функциональное назначение государственного органа; место, которое отводится в Конституции посвященным ему нормам; история возникновения и функционирования данного органа». Попробуем исследовать данные аспекты статуса органов прокуратуры и определить их место в системе органов в Республике Беларусь.

История развития Прокуратуры в Беларуси начинается с 1922 г. с принятия Положения о прокурорском надзоре, в соответствии с которым, была учреждена Государственная прокуратура в составе Народного Комиссариата Юстиции. Во главе прокуратуры стоял Народный комиссар юстиции, который был подотчетен перед Президиумом ЦИК БССР. Начиная с 1936 г. Прокуратура выходит из состава Народного Комиссариата Юстиции и образовывается самостоятельная система органов прокуратуры во главе с Прокурором БССР, подчинённая непосредственно Прокурору СССР. Следующий этап развития основ правового статуса прокуратуры, напрямую связан с образованием независимой Республики Беларусь. В 1990 г. была учреждена должность Генерального прокурора Республики Беларусь. В январе 1993 года принят первый Закон «О прокуратуре Республики Беларусь», а в целях усиления роли прокуратуры в борьбе с преступностью, укрепления законности и правопорядка на основе Конституции Республики Беларусь (раздела 6, глава 7) - в 2007 г. был принят новый Закон «О прокуратуре Республики Беларусь».

В новом Законе прокуратура определена как «единая и централизованная система органов, осуществляющая от имени государства надзор за точным и единообразным исполнением нормативных правовых актов, а также выполняющая иные функции». Возглавляет систему Генеральный прокурор. Создание, реорганизация и ликвидация органов прокуратуры осуществляются Президентом Республики Беларусь.

Учитывая тенденции развития демократических государств, необходимо отметить, что в вопросах регламентации роли и статуса прокуратуры, законодатели отдельных зарубежных государств по-разному определили место прокуратуры в национальных правовых системах, в том числе среди властных государственных институтов. Так, в одних странах она организационно входит в исполнительную вертикаль (США, Эстония и др.). В иных странах она относится к судебной власти (Испания, Латвия, Грузия и др.). Во Франции, Италии, Румынии прокуратура занимает промежуточное положение между исполнительной и судебной властью. Во главе прокуратуры во Франции и Австрии стоит министр юстиции, но при этом прокуроры, вместе с судьями составляют единый корпус. В России положения о прокуратуре помещены в раздел «Судебная власть». Систему органов прокуратуры возглавляет Генеральный прокурор РФ.